Археологические вести

— 24 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Archaeological news

24
(2018)

SAINT-PETERSBURG
2018

Археологические вести

24
(2018)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов (главный редактор), академик РАН В. Л. Янин, академик РАН Н. А. Макаров, Н. В. Хвощинская (зам. главного редактора), О. И. Богуславский, М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, В. А. Лапшин, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Рецензенты:

кандидат исторических наук В. А. Алёшкин

доктор исторических наук С. И. Кочуркина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. – 1992. –

Вып. 24 / [Гл. ред. Е. Н. Носов]. – СПб., 2018. – 428 с., ил.

ISSN 1817-6976

В очередной сборник ежегодника ИИМК РАН включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в результате изучения поселений и погребальных памятников от эпохи камня до средневековья на территории Евразии. В ряде статей рассматриваются конкретные археологические комплексы и отдельные категории материала. В специальный раздел сборника включены работы по актуальным проблемам археологии, касающиеся древностей эпохи бронзы и раннего железа Северного Причерноморья и лесостепной зоны Восточной Европы. В сборнике представлены рецензии на новейшую историко-археологическую литературу и информация о прошедшем в октябре 2017 г. V (XXI) Всероссийском археологическом съезде. Отдельный раздел посвящен истории науки. Среди авторов ежегодника – ученые из России, Азербайджана, Казахстана, Молдовы, Франции и Германии.

This yearbook of IIMK RAS includes a collection of articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. It is the first time that some materials obtained through investigation of settlements and burial sites dating from the Stone Age to the Middle Ages in the territory of Eurasia are scientifically published. In a number of the papers, particular archaeological complexes and categories of finds are discussed. A special section of the collection considers works on the urgent problems of archaeology and antiquities of the Bronze Age and Early Iron Age of the Northern Black Sea Region and forest-steppe zone of Eastern Europe. The present collection presents reviews of the latest historical and archaeological publications and information on the 5th (XXIth) All-Russian Archaeological Congress held in October, 2017. A separate section is dedicated to the history of science. Among the authors of this yearbook there are scientists from Russia, Azerbaijan, Kazakhstan, Moldova France and Germany.

Обложка:

Первая страница – Бронзовая пряжка-пластина из кургана № 43 могильника Ала-Тей 1 (к статье М. Е. Килуновской и П. Леуса)

First page – Bronze plate/buckle from kurgan no. 43 at the cemetery of Ala-Tey 1 (article by M. E. Kilunovskaya and P. M. Leus)

Четвертая страница – Двор Ладожской крепости. Карта вертикального градиента поля аномалий силы тяжести: а – изолинии вертикального градиента поля аномалий силы тяжести; б – линии геофизических профилей; в – буровые скважины (1989 г.); г – фрагменты разрушенных крепостных стен; д – предполагаемые контуры погребенных развалин каменной кладки, обнаруженные при раскопках А. Н. Кирпичникова (к статье Н. В. Григорьевой, В. В. Кошевого, О. Ю. Медведева)

Fourth page – Courtyard of the Ladoga fortress. Map of the vertical gradient of the field of anomalies of the gravitation force; а – isolines of the vertical gradient of anomalies of the gravitation force; б – lines of the geophysical profiles; в – boreholes (1989); г – fragments of the ruined defensive walls; д – presumed outlines of the buried ruins of the stonework found during A. N. Kirpichnikov's excavations (article by N. V. Grigor'yeva, V. V. Koshevoy & O. Yu. Medvedev)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018

© Коллектив авторов, 2018

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2018

ISSN 1817-6976

СОДЕРЖАНИЕ

Наши юбиляры

К 85-летию Сергея Никитича Астахова	11
К юбилею Надежды Дмитриевны Моисеевой	12
К юбилею Галины Васильевны Сеницыной	13
К юбилею Татьяны Анатольевны Ершовой	14
К 70-летию Николая Анатольевича Боковенко	15
К 70-летию Сергея Степановича Миняева	17

Новые открытия и исследования

<i>С. А. Кулаков.</i> Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка на Таманском полуострове	19
<i>Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков, А. Л. Чепалыга.</i> Исследования местонахождений раннего палеолита на высоких морских террасах Южного Крыма в 2016 г.	33
<i>А. М. Скоробогатов, И. В. Федюнин.</i> Новые материалы палеолита и энеолита на южной границе лесостепного Подонья.	42
<i>С. Н. Разумов.</i> Собака в культовой практике населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке	50
<i>В. А. Трифонов, Н. И. Шишлина, А. Ю. Лобода, Н. Н. Колобылина, Е. Ю. Терещенко, Е. Б. Яцишина.</i> Золотые тонкостенные бесшовные бусы из дольмена раннего бронзового века в кургане № 2 у станицы Царская, Северо-Западный Кавказ: технология изготовления и культурно-исторический контекст	68
<i>И. П. Лазаретов, А. В. Поляков.</i> Святилище раннего бронзового века в Туве	83
<i>В. В. Алейников, В. П. Глебов, В. Я. Стеганцева.</i> Погребение с повозкой эпохи средней бронзы в бассейне реки Деркул в Тарасовском районе Ростовской области	94
<i>И. А. Кукушкин, Е. А. Дмитриев, А. И. Кукушкин.</i> Каражартас – новый социально-стратифицированный некрополь бегазы-дандыбаевской культуры (предварительные результаты исследований)	102
<i>С. А. Фидельский, М. В. Иващенко, В. С. Синика.</i> Амфорные клейма средиземноморских центров из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра	110
<i>М. Е. Килуновская, П. М. Леус.</i> Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве	125
<i>М. М. Казанский.</i> Зооморфные и антропоморфные пряжки и контакты Восточной Прибалтики с Византией в эпоху переселения народов	153
<i>Т. А. Кулиев.</i> Из истории монетного двора Дербента	169

<i>Н. В. Хвоцинская.</i> К интерпретации кладов серебряных гривен в Восточной Европе	182
<i>Н. В. Григорьева, В. В. Кошевой, О. Ю. Медведев.</i> Археолого-геофизические исследования на территории Ладожской крепости (опыт применения метода высокоточной гравиметрии для получения данных о рельефе местности)	190
<i>М. О. Жуковский.</i> Инструменты для взвешивания с граффити из раскопок Новгорода	198
<i>В. В. Яблончук.</i> Топография актов печатей Новгорода XI–XV вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов)	207
<i>П. А. Миляев.</i> Находки деталей ручного огнестрельного вооружения второй половины XV – XVI в. из Старой Ладоги и крепости Орешек в свете восточно- и западноевропейских аналогий	218
<i>Л. М. Дмитренко.</i> Результаты исследования керамики поселения Ла-Пайя (провинция Сальта, Северо-Западная Аргентина) из собрания МАЭ РАН	239

Актуальные проблемы археологии

<i>Р. А. Мимоход.</i> Происхождение и семантика фигурных пряжек эпохи бронзы в Европе и на Кавказе в контексте ближневосточных влияний	249
<i>М. А. Кулькова, М. Т. Кашуба, А. М. Кульков, Н. С. Власенко, Н. А. Гаврилюк, Э. Кайзер.</i> Первые исследования белой пасты для инкрустации керамики раннего железного века в Северном Причерноморье	276
<i>В. И. Козенкова.</i> Заметки о некоторых аспектах и векторе развития кобано-скифских взаимоотношений	290

Обзоры и рецензии

Попытка с негодными средствами, или Непреодоленное непостижимое Winkler-Horaček L. <i>Monster in der frühgriechischen Kunst. Die Überwindung des Unfassbaren (Image & Context. Vol. 4. / Ed. F. Lissarrague, R. Schneider & R. R. R. Smith)</i> Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. – ISBN: 978-3-11-018900-1. – 690 S. 241 Abb. (Рец. И. Ю. Шайба)	311
Новые подходы к изучению культурного процесса в Восточной Европе <i>Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.</i> / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. – ISBN 978-5-903521-50-0 – 310 с. (Рец. А. И. Саксы)	321
Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман, М. Л. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков и др. СПб.: ИД «Инкери», 2017. ISBN 978-5-903562-79-4 – 656 с. (Рец. В. А. Лапина)	325

Сотрудничество Восток – Запад

<i>С. А. Васильев.</i> V (XXI) Всероссийский археологический съезд (Барнаул–Белокуриха, 1–8 октября 2017)	329
<i>Э. Кайзер, М. Т. Кашуба, О. Н. Щеглова.</i> Первая Международная конференция «Время и материальность: Периодизация и региональная хронология перехода от бронзового к железному веку в Евразии (1200–600 BCE)» (Берлин, 19–21 марта 2018 г.)	333

История науки

<i>Е. Г. Застрожная.</i> К истории изучения античного наследия Крымского полуострова в начале 1920-х гг.	339
<i>А. В. Курбатов.</i> История изучения кожевенного дела средневековой Руси	349
<i>А. А. Пескова, И. В. Антипов, Д. Д. Ёлишин, К. А. Михайлов, А. Е. Мусин.</i> Археология красоты: опыт творческой биографии Марианны Малевской	358
Список научных трудов Марианны Владимировны Малевской-Малевич (составитель Л. М. Всевиов)	372

Персоналии

<i>М. Е. Мазуренко.</i> Лев Михайлович Всевиов	377
<i>Л. М. Всевиов.</i> Издательская деятельность Императорской Археологической комиссии	383
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Последнее письмо академика С. А. Жебелёва	401
<i>Ю. А. Виноградов, И. Ю. Шауб.</i> Разбирая архив В. И. Денисовой	405
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Два письма из личного архива В. И. Денисовой	411

Хроника

<i>С. А. Васильев.</i> Памяти Василия Прокофьевича Любина (1918–2018)	421
Список сокращений	423

CONTENT

Our jubilees

To the 85 th anniversary of Sergey Nikitich Astakhov	11
To the jubilee of Nadezhda Dmitrievna Moiseeva	12
To the jubilee of Galina Vasil'yevna Sinitsyna	13
To the jubilee of Tat'yana Anatol'yevna Ershova	14
To the 70 th anniversary of Nikolay Anatol'yevich Bokovenko	15
To the 70 th anniversary of Sergey Stepanovich Minyaev	17

New discoveries and studies

<i>S. A. Kulakov</i> . Early Palaeolithic site of Bogatyri/Sinyaya Balka on the Taman Peninsula	19
<i>N. K. Anisyutkin, S. A. Kulakov, A. L. Tchepalyga</i> . Studies of Early Palaeolithic sites on the high marine terraces of Southern Crimea in 2016	33
<i>A. M. Skorobogatov, I. V. Fedyunin</i> . New Palaeolithic and Eneolithic materials from the southern border of the Forest-Steppe Don region	42
<i>S. N. Razumov</i> . Dog in Ritual Practice of the North-Western Black Sea Population of the Early Bronze Age	50
<i>V. A. Trifonov, N. I. Shishlina, A. Yu. Loboda, N. N. Kolobylna, E. Yu. Tereshchenko, E. B. Yatsishina</i> . Gold thin-walled seamless beads from a dolmen of the Early Bronze Age in kurgan no. 2 near the Cossack village of Tsarskaya, Northwestern Caucasus: the technology of manufacturing and cultural historical context	68
<i>I. P. Lazaretov, A. V. Polyakov</i> . Sanctuary of the Early Bronze Age in Tuva	83
<i>V. V. Aleynikov, V. P. Glebov, V. Ya. Stegantseva</i> . Burial of the Middle Bronze Age with a cart in the basin of the Derkul River in Tarasovsky District of Rostov Oblast	94
<i>I. A. Kukushkin, E. A. Dmitriev, A. I. Kukushkin</i> . Karazhartas or a new socially stratified necropolis of the Begazy-Dandybay culture (preliminary results of researches)	102
<i>S. A. Fidelskiy, M. V. Ivashchenko, V. S. Sinika</i> . Amphora stamps of Mediterranean centres from the site of Chobruchi on the left bank of the Lower Dniester	110
<i>M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus</i> . New evidence on the Ulug-Khem culture in Tuva	125
<i>M. M. Kazanskiy</i> . Zoomorphic and anthropomorphic buckles and contacts of Eastern Baltic region with the Byzantine Empire in the Great Migration period	153
<i>T. A. Kuliev</i> . From the history of the Derbent mint	169

<i>N. V. Khvoshchinskaya</i> . Interpretation of hoards of silver neck rings in Eastern Europe	182
<i>N. V. Grigor'yeva, V. V. Koshevoy, O. Yu. Medvedev</i> . Geophysical archaeological investigations in the territory of the Ladoga fortress (experiment on application of the method of high precision gravimetry for investigation of the original relief of a site surface)	190
<i>M. O. Zhukovskiy</i> . Weighing instruments with graffiti from excavations in Novgorod ...	198
<i>V. V. Yablonchuk</i> . Topography of official seals in Novgorod of the 11 th –15 th century (finds from the Nerevsky and Troitsky excavations)	207
<i>P. A. Milyaev</i> . Finds of parts of hand firearms of the second half of the 15 th –16 th century from Staraya Ladoga and the fortress of Oreshek in the view of East- and West-European parallels	218
<i>L. M. Dmitrenko</i> . Results of the investigation of pottery from the settlement of La Paya (Salta Province, Northwestern Argentina) from the collection of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS	239

Topical Problems of Archaeology

<i>R. A. Mimokhod</i> . The origin and semantics of figured buckles from Bronze Age Europe and Caucasus in the context of Near Eastern influences	249
<i>M. A. Kul'kova, M. T. Kashuba, A. M. Kul'kov, N. S. Vlasenko, N. A. Gavriluk, E. Kaiser</i> . First investigations of white paste for inlaid ceramics of the Early Iron Age from the northern Black Sea littoral	276
<i>V. I. Kozenkova</i> . Essay on some aspects and the vector of development of Koban-Scythian interrelations	290

Review Articles and Book Reviews

An attempt with unfit means or the Unsurmounted inconceivable	
Winkler-Horaček L. Monster in der frühgriechischen Kunst. Die Überwindung des Unfassbaren (Image & Context. Vol. 4. / Ed. F. Lissarrague, R. Schneider & R. R. Smith) Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. – ISBN: 978-3-11-018900-1. – 690 S. 241 Abb. (Rev. by <i>I. Yu. Schaub</i>)	311
New approaches to studies of the cultural process in Eastern Europe	
<i>Élite ou Égalité</i> : Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. – ISBN 978-5-903521-50-0 – 310 с. (Rev. by <i>A. I. Saksa</i>)	321
Illustrated ethno-confessional atlas of Leningrad Oblast	
Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман, М. Л. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков и др. СПб.: ИД «Инкери», 2017. ISBN 978-5-903562-79-4 – 656 с. (Rev. by <i>V. A. Lapshin</i>)	325

The East–West Cooperation

<i>S. A. Vasil'yev</i> . The V th (XXI) All-Russian archaeological congress (Barnaul–Belokurikha, October 1–8, 2017)	329
---	-----

<i>E. Kaiser, M. T. Kashuba, O. A. Shcheglova.</i> 1 st International conference «Time and materiality: Periodization and regional chronologies at the transition from Bronze to Iron Age in Eurasia (1200–600 BCE)» (Berlin, 19–21 March 2018)	333
--	-----

History of Science

<i>E. G. Zastrozhnova.</i> History of the study of the ancient heritage in the Crimean Peninsula in the early 1920s	339
<i>A. V. Kurbatov.</i> History of studies of leather tanning in mediaeval Rus	349
<i>A. A. Peskova, I. V. Antipov, D. D. Yolshin, K. A. Mikhaylov, A. E. Musin.</i> The archaeology of beauty: essay on the creative biography of Marianna Malevskaya . . .	358
List of scientific works of Marianna Vladimirovna Malevskaya-Malevich (compiler <i>L. M. Vseviov</i>)	372

Personalia

<i>M. E. Mazurenko.</i> Lev Mikhaylovich Vseviov.	377
<i>L. M. Vseviov.</i> The publishing activities of the Imperial Archaeological Commission. . . .	383
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> The last letter of the Academician S. A. Zhebelyov	401
<i>Yu. A. Vinogradov, I. Yu. Schaub.</i> Examining the archives of V. I. Denisova	405
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> Two letters from V. I. Denisova's personal archives	411

Chronicle

<i>S. A. Vasil'yev.</i> In memory of Vasily Prokofievich Lubin (1918–2018)	421
List of Abbreviations	423

СВЯТИЛИЩЕ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ТУВЕ¹

И. П. Лазаретов, А. В. Поляков²

Аннотация. В статье рассматривается святилище раннего бронзового века, расположенное на территории могильника Красная Горка 15 на левом берегу р. Енисей в 5 км к западу от поселка Усть-Элегест в Кызылском кожууне (районе) Республики Тыва. Исследование позволило уточнить архитектурные особенности такого рода сооружений. Данная находка является важнейшим промежуточным звеном при сравнении ритуальных комплексов окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины и чемурчекской культуры Монголии, Северо-Западного Китая.

Annotation. This paper discusses a sanctuary of the Early Bronze Age situated within the burial ground of Krasnaya Gorka 15 on the left bank of the Yenisey River, 5 km to the west from the village of Ust-Elegest in the Kyzyl kozhuun (district) of the Republic of Tyva. An archaeological investigation succeeded in defining more precisely the architectural features structures of this type. The find under consideration presents a very important intermediate link for comparison of ritual complexes of the Okunevo culture in the Khakas-Minusinsk kettle and the Chemurchek culture of Mongolia and North-Western China.

Ключевые слова: ранний бронзовый век Тувы, ритуальный комплекс.

Keywords: Early Bronze Age of Tuva, ritual complex.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-83-93

Несмотря на многолетние археологические исследования, эпоха ранней бронзы на территории Республики Тыва изучена крайне слабо. Имеются отрывочные, далеко неполные данные о полутора-двух десятках захоронений соответствующего времени (Вайнштейн, 1954; Стамбульник, Чугунов, 2006). Тем больший интерес вызывают материалы, полученные Саянской экспедицией ИИМК РАН в 2015 г. при раскопках могильника Красная Горка 15, где наряду с курганами разных эпох было исследовано святилище периода ранней бронзы. Эта находка может служить важным связующим звеном между окуневскими комплексами Хакасско-Минусинской котловины, с одной стороны, и памятниками чемурчекской культуры Монголии и северо-западного Китая – с другой.³

Материалы и их обсуждение. Могильник Красная Горка 15 расположен на надпойменной террасе левого берега реки Енисей в 5 км к западу от поселка Усть-Элегест в Кызылском кожууне (районе) Республики Тыва. Памятник выявлен в ходе археологической разведки, проводившейся в 2014 г. научными сотрудниками ИИМК РАН М. Е. Килуновской и И. П. Лазаретовым. Особо отметим, что в радиусе 3–5 километров от могильника Красная Горка 15 нами не обнаружено каких-либо погребальных комплексов эпохи ранней бронзы. На террасе левого берега Енисея эпизодически встречались кремневые изделия и единичные фрагменты керамики этого времени. Вероятно, здесь находились небольшие поселения или стоянки эпохи ранней бронзы. К одной из них и мог быть приурочен ритуальный комплекс объекта 10 могильника Красная Горка 15.

На наклонной поверхности берегового откоса древней протоки Енисея прослеживалась едва заметная проплешина в степной растительности. В размытой колее полевой дороги были видны отдельные раздробленные камни и верхние края нескольких вертикальных плит, выступавших из земли. В ходе разведки этому объекту был присвоен номер 10 в рамках могильника Красная Горка 15. В результате проведенных в 2015 г. раскопок было

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (тема № 0184-2018-0009. «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)).»

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

³ В Монголии эти памятники называют культурой хэмцэг, в Китае принято наименование культура кезэрмуци.

расчищено сооружение общей длиной 13,5 и максимальной шириной до 6 м (рис. 1, 1, 3–5). Оно было развернуто длиной осью по линии северо-запад – юго-восток. Сооружение состояло из прямоугольного котлована и входа, ведущего в него с юго-востока.

Вход в котлован оформлен в виде узкого, слегка наклонного коридора длиной 7,5 и шириной до 1,3 м, ограниченного с двух сторон вкопанными плитами, стоящими на ребре. Причем установлены они были не вплотную, а «пунктиром», через равномерные промежутки. Плитки входа сохранились на высоту 0,3 м от уровня древней дневной поверхности. Коридор, через проем в центре юго-восточной стенки ограды, на 1,5 м заходил внутрь котлована, образуя там возвышающуюся материковую платформу-ступеньку, облицованную по краям плитами. Высота плит обрамления платформы-ступеньки – 0,4–0,45 м. Ее углы, обращенные внутрь котлована, были отмечены двумя дополнительными тонкими каменными плитами (стелы № 1 и 2) толщиной 2 см. На месте сохранились корневые части стел и их обломки, упавшие на дно котлована. В полностью собранном виде длина этих плит составляла 1,6 м. Они на 0,3 м были вкопаны и на 1,3 м возвышались над дном котлована. Вход, вероятно, по окончании функционирования сооружения был закрыт кладкой из плит, уложенных плашмя (рис. 1, 1, 5). Кладка располагалась на линии разрыва в ограде котлована.

Прямоугольный котлован размерами 7,5 × 6,0 м, за исключением входной ступеньки, был углублен в почву на 0,5 м. Он был ориентирован длиной осью по линии северо-запад – юго-восток. Стенки котлована облицованы изнутри плитами высотой 0,6 м, стоящими на ребре. Верхние края плит были выровнены и на 0,1 м выступали над уровнем древней дневной поверхности. С внешней стороны сооружения они были оконтурены одним рядом горизонтальных плиток, уложенных плашмя по-

верх выкида из котлована. Две параллельные линии из плит, врытых по оси северо-запад – юго-восток и имевших разрыв в центре сооружения, разделяли внутреннее пространство котлована на три части (рис. 1, 3). Каждый отрезок такой стенки состоял из четырех-пяти плит, достигавших высоты 0,45–0,5 м. Вертикально установленные плиты были углублены в дно котлована на 0,15–0,2 м.

В центре сооружения располагалось узкое прямоугольное углубление («жертвенник»), представлявшее собой грунтовую яму, стенки которой были облицованы изнутри невысокими вертикально установленными плитками. Размеры «жертвенника» 2,0 × 0,5 м, высота плиток 0,2–0,25 м. Как и сооружение в целом, он был ориентирован длиной осью по линии северо-запад – юго-восток. С внешней стороны «жертвенника», в 0,3–0,4 м от его углов, были установлены четыре вертикальные плиты (стелы № 3–6). Они выступали над полом котлована на 0,3–0,35 м. Три камня оказались сломаны, четвертый сохранился полностью (рис. 1, 1, 4; 2).

Дно и стенки «жертвенника» несут на себе следы интенсивного воздействия огня. Углубление было на 7–10 см заполнено слоем золы и кальцинированных костей, оставшихся после сожжения частей туш мелкого рогатого скота. Угли при этом полностью отсутствуют. Вероятно, сожжение кусков жертвенного мяса производилось на огне, топливом для которого был кизяк.

Напротив жертвенника, в 1,2 м к северо-востоку от него, был устроен своеобразный «алтарь» из четырех продолговатых, вертикально установленных окатанных речных галек (рис. 2, 1). Они располагались в ряд по линии северо-запад – юго-восток, на удалении 10–15 см друг от друга. Гальки, вероятно, игравшие роль примитивных «изваяний», были развернуты широкой «лицевой» стороной в направлении на юго-запад, к «жертвеннику». Крайним северо-восточным было

Рис. 1. Могильник Красная Горка 15, объект 10, «святилище»: 1, 3 – разные уровни расчистки сооружения (*а* – камни; *б* – стелы; *в* – керамика; *г* – кальцинированные кости; *д* – выкид); 2 – сосуд из северо-западной части котлована; 4, 5 – разрезы сооружения (*а* – современная дневная поверхность; *б* – дерн; *в* – песок; *г* – погребенная почва; *д* – выкид; *е* – материк; *ж* – камни; *з* – скопление кальцинированных костей)

Fig. 1. Cemetery of Krasnaya Gorka 15, object 10, 'sanctuary': 1, 3 – different levels of excavation of the structure (*a* – stones; *b* – steles; *v* – pottery; *g* – calcined bones; *d* – spoil of soil); 2 – vessel from the north-western area of the pit; 4, 5 – sections of the structure (*a* – modern ground surface; *b* – turf; *v* – sand; *g* – buried soil; *d* – spoil of the soil; *e* – virgin soil; *zh* – stones; *z* – accumulation of calcined bones)

Рис. 2. Могильник Красная Горка 15, объект 10, «святилище»: 1 – расчистка на уровне материка (I–IV – гальки-«изваяния»; а – камни; б – «изваяния»); 2 – реконструкция сооружения

Fig. 2. Cemetery of Krasnaya Gorka 15, object 10, 'sanctuary': 1 – excavation at the level of the virgin soil (I–IV – pebbles-
'sculptures'; а – stones; б – 'sculptures'); 2 – reconstruction of the installation

«изваяние» № 1 размерами $19 \times 9,4 \times 6,6$ см. «Изваяние» № 2 имело размер $49 \times 19 \times 13$ см. «Изваяние» № 3 – $28 \times 7,8 \times 6$ см. «Изваяние» № 4 – $52 \times 22 \times 10$ см. Все гальки-«изваяния» были установлены в грунтовых ямках и расклинены мелкими вертикальными плитками. Они выступали над поверхностью котлована на 12, 32, 16 и 37 см соответственно. Следов выбивок или гравировок на «изваяниях» не обнаружено.

За «алтарем», в 0,25–0,3 м к северо-востоку, располагался «экран» из двух вертикально установленных плит, общей шириной около 1,2 м, развернутый осью по линии северо-запад – юго-восток (рис. 1, 3, 4; 2, 1). На месте сохранились вкопанные части плит и обломки верхних частей, упавшие на дно котлована. В полностью собранном виде длина этих плит достигала 1,55 м. Они на 0,3 м были вкопаны и на 1,25 м возвышались над дном котлована.

После того как котлован был выкопан и в нем установлены все вертикальные каменные конструкции, его дно было выложено в один слой тщательно подобранными плитками среднего (0,3–0,6 м) размера. Толщина этого каменного пола составляла 3–5 см.

На каменном полу, в центральной части, ближе к северо-западной стенке обнаружен развал крупного сосуда баночного типа. Это был плоскодонный горшок вытянутых пропорций, украшенный акцентированными отпечатками штампа (рис. 1, 1, 2). В верхней части сосуда полосы отпечатков шли горизонтально, в центральной и нижней – вертикально, с небольшим наклоном вправо. На стыке этих двух орнаментальных поясов нанесены четыре горизонтальные линии, выполненные отпечатками гладкой, слегка изогнутой лопаточки. Над ними располагался ряд разреженных «жемчужин», выдавленных изнутри сосуда. Дно горшка украшено «соляренным» знаком в виде круга, разделенного на четыре сектора, заполненных разнонаправленными отпечатками штампа. Сосуды подобной формы и с аналогичной орнаментацией широко представлены в комплексах эпохи ранней бронзы Тувы окуневского времени (чаа-хольская культура, по В. В. Боброву) и окуневской культуры Хакаско-Минусинской котловины (вторая половина III – начало II тыс. до н. э.).

Поражает великолепная сохранность данного ритуального комплекса и продуманность его ар-

хитектурного решения. За исключением северо-западной части, пострадавшей от естественных природных процессов, конструкция святилища сохранилась в первозданном виде. Все обломки разрушившихся вертикально стоявших плит находятся рядом с сохранившимися на месте основаниями, что позволяет полностью восстановить их размер и конфигурацию (рис. 2, 2). Очевидно, что после окончания функционирования комплекса и закладки входа его никто не посещал.

Оформление святилища велось по заранее разработанному плану. Это хорошо видно по исходной конфигурации котлована. Он был вырыт в виде прямоугольника со сложной конфигурацией северо-восточного края. «Платформа»-ступенька на месте входа была вырезана в материковом грунте, а уже затем облицована вертикально установленными плитами. Все дополнительные элементы конструкции располагаются на предназначенных для них местах, с соблюдением максимально возможной симметричности и целесообразности. Вероятно, это сооружение не было уникальным, а строительство подобных ему могло быть вполне регулярным явлением, связанным с необходимостью проведения каких-то обрядовых действий. Аналогичные комплексы могли создаваться десятками. На это указывает и кратковременность функционирования данного святилища. Оно не имеет каких-либо следов утилитарного разрушения, подновлений или перестроек. В нем обнаружен, притом практически в целом виде, единственный керамический сосуд. Судя по количеству кальцинированных костей, в жертвеннике было сожжено не более одной-двух особей животных. Не исключено, что данное святилище вообще было предназначено для однократного проведения ритуала.

Размещение на одной осевой линии таких элементов конструкции как «жертвенник», «алтарь» и «экран» позволяет предполагать, что осуществление жертвоприношения могло происходить в ночное время. Тогда становится понятным функциональное назначение каменного «экрана». В ходе проведения обряда, связанного с возжиганием огня и сожжением частей туш жертвенных животных, тени четырех «изваяний», возвышавшихся над полом, должны были проецироваться на «экран». Возможно, именно интерпретация колебаний этих

теней в свете жертвенного огня могла служить основной целью «гадания» или иного ритуала.

На самих «изваяниях» не обнаружено следов выбивок или гравировок, но это не исключает возможности их раскраски. В синхронных комплексах окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины и чемурчекской культуры Монголии такой прием широко использовался. В нашем случае краска могла просто не сохраниться. «Изваяния» длительное время находились на открытом воздухе, а песок, постепенно заполнявший котлован святилища, обладает повышенными абразивными свойствами. Наличие или отсутствие следов краски можно будет установить только при проведении дополнительных анализов.

Судя по керамическому сосуду, данный ритуальный комплекс относится к эпохе ранней бронзы Тувы (вторая половина III – начало II тыс. до н. э.). Радиоуглеродный анализ кальцинированных костей из жертвенника, возможно, позволит сузить этот хронологический интервал.

Заканчивая описание святилища, акцентируем внимание на некоторых архитектурных деталях его оформления:

1. Наличие прямоугольной конструкции из врытых плит, вытянутой длинной осью по линии северо-запад – юго-восток.

2. Две продольные симметричные перегородки (порталы), имеющие разрыв в центре, разделяющие это помещение на три части.

3. Облицованное плитами прямоугольное углубление-«жертвенник» со следами горения и фрагментами кальцинированных костей животных, расположенное в центре оформленной площадки.

4. Присутствие четырех вертикальных стел, врытых с внешней стороны на некотором удалении от углов «жертвенника».

5. Размещение «алтаря» с каменными «изваяниями» к северо-востоку от «жертвенника».

Как уже отмечалось выше, данный ритуальный комплекс едва ли является уникальным. Прямых аналогий ему нам пока неизвестно. Однако, по сообщению В. А. Семенова, в 1977 г. в Пий-Хемском кожууне Тувы А. М. Мандельштам была исследована прямоугольная ограда, разделенная перегородками на три части. С восточной стороны в нее вел вход, а в центре удалось про-

следить пятно прокала с кальцинированными костями и развалы нескольких сосудов эпохи ранней бронзы.⁴ Следов захоронений в ограде не обнаружено. К сожалению, материалы этих раскопок не были должным образом документированы и не нашли отражения в археологических отчетах.

За пределами Тувы, а именно на территории Монголии, комплексы с подобными архитектурными особенностями теперь уже хорошо известны (*Тишкин и др.*, 2012). В ходе раскопок курганов чемурчекской культуры оказалось, что зачастую к востоку или юго-востоку от собственно погребальных сооружений располагаются дополнительные ритуальные площадки. В наибольшей степени сохранилась ритуальная площадка кургана № 1 могильника Хуурай салааны ам-1 (*Ковалев и др.*, 2015. Рис. 3, 20). Это была прямоугольная оградка из установленных на ребро (врытых) плит, незначительно уступающая по своим линейным размерам кургану. Внутреннее ее пространство разделяли две параллельные перегородки (порталы) с разрывом в центральной части. Там находился прямоугольный «жертвенник» со следами прокала, сложенный из уплощенных каменных глыб. Рядом с его внешними углами, на окончаниях перегородок, были установлены четыре вертикальные стелы. К северо-востоку от «жертвенника» в специально огороженном пространстве располагалось каменное «изваяние» из окатанного гранита, выступавшее на 0,4 м над уровнем поверхности. Аналогичным образом была устроена ритуальная площадка кургана № 2 этого же могильника. Она отличалась худшей сохранностью и тем, что ее «алтарная» часть включала не одно, а сразу три «изваяния», установленных в ряд по линии северо-запад – юго-восток (Там же. Рис. 33, 47). Налицо практически полное совпадение важнейших архитектурных деталей чемурчекских ритуальных площадок и конструктивных особенностей святилища, исследованного в Туве на могильнике Красная Горка 15. У других чемурчекских курганов ритуальные площадки сохранились в худшей степени. Однако и у них прослеживаются те же характерные детали: центральные «жертвенники», перегородки (пор-

⁴ Пользуясь случаем, благодарим В. А. Семенова за любезно предоставленную информацию о данном памятнике.

талы), столбообразные «изваяния», установленные у северо-восточной стенки. Рядом с двумя курганами (Ягшийн ходоо 3 и Хух удзуурийн дугуй I-1) были обнаружены антропоморфные статуи. Они располагались в пределах ритуальных площадок, у их северо-восточной стенки, и были обращены лицевой гранью на юго-запад, в сторону жертвенника (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014б. С. 235–392).

Подобные ритуальные площадки, расположенные к востоку от курганов эпохи ранней бронзы, не так давно были обнаружены на территории Хакасско-Минусинской котловины (Поляков, 2010). Степень их сохранности на тот момент оказалась невысокой, многие архитектурные детали не прослеживались или были утрачены. Почти полностью сохранившаяся ритуальная площадка была исследована только в 2017 г. при раскопках кургана № 1 могильника Итколь II. Она представляла собой прямоугольное сооружение из врытых плит, сопоставимое по своим размерам с собственно погребальной оградой, и находилась к востоку от нее. В центре ритуальной площадки располагался узкий, неглубокий каменный ящик-жертвенник с явными следами прокала. С внешней стороны вблизи углов жертвенника были установлены четыре вертикальные стелы. К северу от него обнаружена яма для установки антропоморфного изваяния. Само изваяние утрачено, сохранились только плитки расклинки. Судя по ним изваяние имело прямоугольное сечение и было обращено широкой гранью на юг, в сторону жертвенника. Возможно, ритуальная ограда дополнительно была разделена на три части перегородками, имевшими разрыв в центре. По крайней мере в ее юго-восточном углу сохранился небольшой участок вертикальной стеночки, вытянутой по линии запад–восток, с пристроенным к ней каменным ящичком. Такие перегородки (порталы) явно имелись у ритуальной площадки другого окуневского кургана – База Минторга, исследованного Н. В. Леонтьевым (Наглер, Парцингер, 2006. Рис. 8).

Сходство комплексов чемурчекской культуры Монголии, Синьцзяна и окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины прослеживается не только в наличии ритуальных площадок, их местоположении и детализации. Общей для па-

мятников этих удаленных друг от друга регионов является развитая статуарная традиция. В курганах окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины на данный момент обнаружено два антропоморфных изваяния сохранившихся *in situ*, а также несколько ям, предназначенных для их установки. Погребальные скульптуры могли располагаться на борту основной могилы либо в ограде кургана. В чемурчекских курганах Монголии и Синьцзяна антропоморфные изваяния занимают аналогичную позицию. Разница состоит в том, что окуневские скульптуры размещались к западу от центрального захоронения, а чемурчекские к востоку. При этом все они установлены точно по осевой линии основной могилы и обращены лицевой стороной на восток, в сторону ритуальных площадок. Если окуневские и чемурчекские изваяния установлены в поминальнике или святилище, то они располагаются у его северной стенки и обращены ликом на юг, в сторону «жертвенника». Несомненное сходство просматривается в технике исполнения и стилистике самих скульптур. Среди огромного многообразия окуневских изваяний Хакасско-Минусинской котловины сегодня отчетливо выделяется особая категория антропоморфных изображений – погребальная скульптура. Ее характерным отличием можно считать размещение антропоморфного изображения в верхней части столбообразных камней, относительную простоту и лаконичность личин, их подчеркнутую «человечность». Такого рода скульптура, как и чемурчекские изваяния, оказывается приурочена именно к курганным и поминальным комплексам окуневской культуры (Лазаретов, 2014; 2017а; 2017б). Все это позволяет утверждать существование у племен, проживавших в эпоху ранней бронзы на территории Хакасско-Минусинской котловины, Тувы, Монголии и Синьцзяна, единой религиозной доктрины, выразившейся в сходстве погребально-поминальных ритуалов и статуарной традиции.

В отношении архитектуры святилища могильника Красная Горка, а также ритуальных площадок окуневских и чемурчекских курганов напрашивается весьма любопытная аналогия. В плане эти сооружения поразительно напоминают один из типов жилищ эпохи поздней бронзы Южной Сибири, обнаруженных на поселениях Торгажак

и Бырганов IV (Савинов, 1996).⁵ Жилища представляли собой прямоугольные котлованы с протяженностью сторон от 8 до 18 м, углубленные в почву на 0,5–1,0 м. Входы в них были оформлены в виде узкого наклонного коридора-пандуса, обставленного по стенкам тыном из тонких вертикальных бревнышек. Такой тын мог заходить внутрь помещения, образуя небольшой тамбур, завершающийся двумя более крупными опорными столбами. Это объясняет символическое назначение двух вертикальных плит, обрамлявших входную ступеньку святилища Красная Горка 15. В центральной части таких жилищ симметрично располагались четыре массивных опорных столба, на которые опиралась кровля. Местами сохранились следы внутренних перегородок (порталов), идущих от этих опорных столбов к стенкам жилища и разделяющих его на три приблизительно равные части – «нефа». В центре помещения, между опорными столбами, располагался очаг – яма диаметром 1–1,5 м со следами прокала. Планы подобных жилищных конструкций обнаружены среди наскальных изображений Алтая, Внутренней Монголии и Верхнего Енисея (Дэвлет, 1992). Постройки такого рода надежно фиксируются в поселениях эпохи поздней бронзы, но при этом явно восходят к андроновской эпохе (Кузьмина, 1994. Рис. 10), а возможно, и к более раннему времени. Если наши ассоциативные предположения верны, то именно окуневские и чемурчекские ритуальные площадки, а не собственно курганы с захоронениями, являются «домом мертвых». В них могли производиться обряды поминовения, сопряженные с жертвоприношениями, и общения с умершими родственниками.

Для территории Монгольского Алтая А. А. Ковалевым выделен еще один тип ритуальных конструкций, представлявших собой прямоугольные ограды из врытых на ребро плит (Хул уул 1, Хуурай говь 2, Хундий говь, Хар хошуу). В центре этих сооружений располагалась обширная грунтовая яма, заполненная землей, угольками и фрагментами костей животных. Три ограды сопровождалась стелами, установленными у середины короткой юго-восточной стенки (Ковалев, Эрдэнэбаа-

тар, 2014а. С. 163–226). Примечательно, что во всех четырех исследованных комплексах присутствовали «впускные» захоронения, устроенные, по мнению А. А. Ковалева, спустя 200–300 лет после сооружения ритуальных оград. К этому же времени относится и момент заполнения всего внутреннего пространства оград каменной закладкой (Ковалев, 2015).

Позволим себе усомниться в достоверности предложенной реконструкции и датировки указанных комплексов. Единственным аргументом в данном случае является результат радиоуглеродного анализа единичных образцов угля из заполнения ям и костей человека из разграбленных «впускных» могил. Уже само по себе сопоставление дат, полученных на основе различных материалов, является не вполне корректным. Дерево заведомо окажется древнее. Правильнее было бы провести сопоставление дат на основании анализа костей животных и костей человека. Обращает на себя внимание поразительное единообразие «впускных» могил. Все захоронения устроены в грунтовых ямах. Погребенные, когда это удастся определить, лежат на правом боку, слегка скорченно, и ориентированы головой в северо-западный сектор. Среди сопроводительного инвентаря в трех из четырех могил присутствуют идентичные орудия из тазовых костей животных, в двух – белые каменные шары с отверстиями. Это указывает на принадлежность перечисленных захоронений к одному, довольно узкому хронологическому горизонту. Почему же тогда все они оказались приурочены именно к «ритуальным» оградкам определенного типа? Такая ситуация возможна только в том случае, если ограды и обнаруженные в них захоронения синхронны и образуют единый погребальный комплекс.

Аналогичные ямы в центре погребальных оград, заполненные грунтом с включениями камней и угольков, хорошо известны по материалам окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины (Усть-Бюрь, курган № 5, Малые Копены III, курган № 41, Уйбат V, курган № 2) Хакасско-Минусинской котловины (Кызласов, 1986. С. 270–278; Зяблин, 1981. С. 118–121; Лазаретов, 1997. С. 25–26, табл. VII). Они, по-видимому, предназначались для проведения своеобразного обряда очищения и подготовки сакрального пространства ограды перед

⁵ Поселение Бырганов IV частично исследовано И. П. Лазаретовым в 1990 г. Материалы не опубликованы.

совершением последующих захоронений. Временной разрыв между ритуальными действиями и устройством самих погребений был минимальным. По окончании функционирования кладбища пространство ограды заполнялось грунтом, а в памятниках раннего (уйбатского) этапа – камнем, как у монгольских «ритуальных» курганов. Двойная ограда кургана Хар хошуу также обнаруживает прямые соответствия в комплексах окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины. В качестве примера можно привести курган № 12 могильника Итколь II, где ограда меньшего размера располагалась внутри более крупной. В таких курганах-«матрешках» могло быть по три (Итколь I, курган № 2) и даже четыре (Итколь I, курган № 1) вписанные друг в друга ограды. При этом ранние ограды частично разбирались при строительстве поздних, более крупных.

Характерные особенности «ритуальных» комплексов северо-западной части Баян-Ульгийского аймака Монголии (Хул уул 1, Хуурай говь 2, Хундий говь, Хар хошуу), такие как ограды из поставленных на ребро плит (врытых), заполнение их внутреннего пространства сплошной каменной кладкой, захоронения в грунтовых ямах, находки мраморных шаров с отверстиями позволяют синхронизировать эти курганы с памятниками раннего (уйбатского) этапа окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины (Ковалев, *Эрдэнэбаатар*, 2014б). Вероятно, к этому же времени следует отнести и комплекс Хар чулуут 1 (Ковалев, 2015). Его едва ли можно считать сугубо ритуальным памятником, как это утверждает А. А. Ковалевым. В данном комплексе присутствует теперь уже привычное для курганов окуневской и чечурчкской культур сочетание: погребальная ограда – ритуальная площадка, расположенная к востоку от нее. Отсутствие следов захоронения в основной ограде может объясняться деятельностью грабителей. Либо это мог быть курган-кенотаф, обладающий всеми необходимыми атрибутами погребального комплекса, в частности, стелой из гранита, установленной в центре его восточной стенки. Обилие выбивок и разнообразных изображений, обнаруженных на стенках и в ограде Хар чулуут 1, также не должно нас удивлять. Для памятников окуневской культуры Хакасско-Минусинской кот-

ловины – это явление вполне обыденное, достаточно вспомнить такие погребальные памятники как Тас-Хазаа или Разлив X (Липский, Вадецкая, 2006; Пшеницына, Пяткин, 2006). Что же касается погребальных комплексов булганского типа, выделенных А. А. Ковалевым, то они в большей степени соотносятся с памятниками черновского этапа окуневской культуры и, вероятно, датируются относительно поздним периодом существования чечурчкского феномена.

Столь обширный список детальных соответствий в области духовной и материальной культуры двух археологических культур, удаленных друг от друга на многие сотни километров степей и горной тайги, требует своего объяснения. А. А. Ковалев рассматривает появление ритуальных площадок, статуарной традиции, красочные геометрические росписи на стенках погребальных ящиков окуневской культуры как следствие мощного воздействия чечурчкского феномена (Ковалев, 2017). С этим постулатом трудно согласиться. Для распространения новой религиозной доктрины, полностью изменившей погребально-поминальную практику аборигенного населения, требуются непосредственные контакты их носителей и значительное время. Между тем погребальная скульптура и поминально-ритуальные площадки обнаружены в комплексах самого раннего пласта окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины (Уйбат III, База Минторга). Следовательно, эти особенности были присущи им изначально. Наблюдаемое единство в религиозной и материальной сферах окуневской и чечурчкской культур скорее указывает на общий источник их формирования, а не последующее взаимное влияние. Наиболее перспективными территориями для поиска прародины окуневско-чечурчкского феномена представляются районы Северо-Западного Прикаспия и прилегающие к ним предгорья Северного Кавказа. В памятниках позднеямного и переходного ямнокатакомбного времени этих территорий можно обнаружить практически полный список признаков, проявившихся в качестве инноваций в культурах эпохи ранней бронзы Саяно-Алтая.

Заключение. Исследование великолепно сохранившегося святилища эпохи ранней бронзы на территории Тувы позволило уточнить архитектур-

ные особенности такого рода сооружений. Данная находка является важнейшим промежуточным звеном при сравнении ритуальных комплексов окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины и чемурчекской культуры Монголии, Северо-Западного Китая.

Поразительное совпадение топографии и архитектурных деталей ритуальных объектов, наличие единой статуарной традиции и общих элементов материальной культуры комплексов, удаленных друг от друга на многие сотни километров, позволяет поставить вопрос о существовании в эпоху

ранней бронзы на территориях, прилегающих к Алтаю, памятников окуневско-чемурчекской культурно-исторической общности.

Формирование новой культурно-исторической общности, пришедшей на смену афанасьевской, связано с мощнейшими миграционными процессами, происходившими в степной зоне Евразии в конце первой половины – середине III тыс. до н. э. Исходной территорией этого миграционного потока могли служить районы Северо-Западного Прикаспия и прилегающие к ним предгорья Северного Кавказа.

Вайништейн, 1954 – Вайништейн С. И. Археологические раскопки в Туве в 1953 году // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1954. Вып. 2.

Дэвлет, 1992 – Дэвлет М. А. О жилищах эпохи бронзы по материалам петроглифов // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1992. Ч. I.

Зяблин, 1981 – Зяблин Л. П. Окуневский курган на могильнике Малые Копены III // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981.

Ковалев, 2015 – Ковалев А. А. Бассейн верхней Кобдо как чемурчекская ритуальная территория // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015.

Ковалев, 2017 – Ковалев А. А. Роль чемурчекского культурного феномена в формировании и развитии культур бронзового века Сибири и Казахстана // V (XXI) ВАС: Сб. трудов конф. Барнаул, 2017.

Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014а – Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования ритуальных оград чемурчекского облика и связанных с ними памятников в Баян-Ульги аймаке Монголии в 2004 году // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. СПб., 2014. Ч. 1.

Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014б – Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования чемурчекских курганов в Булган сомоне Ховд (Кобдоского) аймака Монголии в 2003–2010 годах // Там же.

Ковалев и др., 2015 – Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч., Грушин С. П., Тишкин А. А., Ожередов Ю. И. Чемурчекские курганы в урочище Хуурай салааны ам (Ховд сомон Ховд аймака Монголии) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. СПб., 2015. Ч. 2.

Кузьмина, 1994 – Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.

Кызласов, 1986 – Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М., 1986.

Лазаретов, 1997 – Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб., 1997.

Лазаретов, 2014 – Лазаретов И. П. Погребальная скульптура в контексте окуневской изобразительной традиции // Тр. IV (XX) ВАС. Казань, 2014. Т. 1.

Лазаретов, 2017а – Лазаретов И. П. Окуневская культура и чемурчекский феномен // Орос, Монгол, Хятадын хил залгаа бүс нутгийн эртний нийгмүүдийн соелын хувьсал ба харилцан нөлөөлөл: Төв Ази ба Умард Хятадын хадны зураг. Улаанбаатар, 2017 (на монг. яз.).

Лазаретов, 2017б – Лазаретов И. П. Общность культур Саяно-Алтая в эпоху ранней бронзы // V (XXI) ВАС: Сб. трудов конф. Барнаул, 2017.

Липский, Вадецкая, 2006 – Липский А. Н., Вадецкая Э. Б. Афанасьевские и окуневские погребения в могильнике Бельтыры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.

Наглер, Парцингер, 2006 – Наглер А., Парцингер Г. Новые памятники окуневской культуры в Центральной части Минусинской котловины // Там же.

Поляков, 2010 – Поляков А. В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. СПб., 2010.

- Пишеницына, Пяткин*, 2006 – *Пишеницына М. Н., Пяткин Б. Н.* Курган Разлив X – памятник окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.
- Савинов*, 1996 – *Савинов Д. Г.* Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб., 1996.
- Стамбульник, Чугунов*, 2006 – *Стамбульник Э. У., Чугунов К. В.* Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.
- Тишкин и др.*, 2012 – *Тишкин А. А., Грушин С. П., Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д.* Постройки культового назначения у курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай) // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул, 2012.

Sanctuary of the Early Bronze Age in Tuva

I. P. Lazaretov, A. V. Polyakov

Investigation of the excellently preserved sanctuary at the cemetery of Krasnaya Gorka 15 of the early Bronze Age in the territory of Tuva succeeded in defining more precisely architectural features of structures of this type. The find under consideration presents a very important intermediate link for comparison of ritual complexes of the Okunevo culture in the Khakas-Minusinsk kettle and the Chemurchek culture of Mongolia and North-Western China.

The amazing correspondence between the topography and architectural parts of ritual objects, the presence of a common statuary tradition and common elements of the material culture of these complexes,

many hundreds of kilometres distant one from another, suggests the existence of sites of Okunevo-Chemurchek cultural and historical unity during the Early Bronze Age in the territories adjoining the Altay.

The formation of the new cultural and historical unity which came to replace the Afanasyevo one was due to extremely powerful migration processes taking place in the steppe zone of Eurasia in the end of the first half and the middle of the 3rd millennium BC. The source territory of that migration flow possibly was in regions of the North-Western Caspian Sea littoral and the piedmonts of the Northern Caucasus adjoining them.